

УДК 94(470.5)"18"

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Н. ТАТИЩЕВА И И.Ф. БЛИЕРА ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ВЫПЛАВКИ МЕДИ В КУНГУРСКОМ УЕЗДЕ¹

Е. А. Курлаев

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
kurlaev@e1.ru

Исследуются обстоятельства производства меди в Приуралье в первой четверти XVIII в. Технологические и организационные проблемы выплавки металла на первых медеплавильных заводах породили череду расследований представителями разных ведомств. С одного из таких расследований начали свою деятельность на Урале члены Берг-коллегии, а впоследствии известные горные деятели В.Н. Татищев и И.Ф. Блиер.

Ключевые слова: история металлургии Урала, XVIII в., Татищев, акторы модернизации.

В период правления Петра I создание крупной техничеки развитой мануфактурной промышленности (протоиндустрии) на Урале, ставшей основой последующего распространения машинного производства (индустриализации), проходило чрезвычайно интенсивно. В начале XVIII в. царь сосредоточил внимание на создании в отечестве цветной металлургии для укрепления финансово-денежной системы государства. Основной сферой применения иностранного опыта в России становились поиск руд полиметаллов, разработка месторождений, выплавка меди и серебра.

В этой связи актуально выявление и изучение на конкретно-историческом материале активных участников создания медеплавильной промышленности в крае – акторов модернизационных процессов². Для ранних периодов индустриализации преждевременно говорить о комплексе процессов, характеризующих модернизацию. Мы обращаем внимание в первую очередь на проявления (прото)индустриализации, (прото)урбанизации, профессионализации, бюрократизации, на первые ростки капитализма.

В известной работе А.И. Юхта, посвященной государственной деятельности В.Н. Татищева, период пребывания последнего в Кунгуре с мая по ноябрь 1720 г. освящен довольно скупо [*Юхта*, 1985, с. 50–51]. Никак не отражено в ней и расследование в ходе его сибирской экспедиции причин остановки процесса выплавки меди в Кунгурском уезде. Между тем в РГАДА и ГАСО сохранилось документы, имеющие отношение к следственным действиям В.Н. Татищева (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 320–339 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а).

В 1720 г. сначала в Кунгур, а затем на Уктусский завод из Москвы прибыла группа офицеров и горных специалистов во главе с В.Н. Татищевым и И.Ф. Блиером. В штате Берг-коллегии в Сибирской губернии «у прииску рудных мест и строительства заводов» числились: от артиллерии капитан Василий Татищев (вписан в указ позже. – *Е.К.*), берг-мейстер Иоганн Блиер, берг-шрейбер Иван Патрушев, борхман Иоганн Годфрид Георги, рудоискатель Павел Бривцын, подьячие Петр Клущин и Яков Степанов, рудные доносители Прокофей Сталов и Лаврентий Зуев.

В указе были определены функции руководителей: «для лучшего смотрения заводских денежных дел артиллерии капитану Василию Татищеву, а над мастеровыми людьми в плавке и в пробе руд бергмейстеру Блиеру...» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 199–199 об.; ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 282). К моменту приезда на Урал И.Ф. Блиер уже обладал огромным профессиональным опытом работы в России. На Урале он работал в 1705 и 1711 гг. На бывшем Пыскорском заводе Блиер предпринимал попытку возродить медеплавильное производство. Под его руководством построили там печь и выплавили 14 пудов меди. По оценке бергмейстера, в Кунгурском, Верхотурском и Тобольском уездах было обнаружено немало признаков медной, серной, купоросной, квасцовой и других руд, но для достижения заметных результатов в производстве меди «были необходимы искусные горные люди и не менее 4–5 лет времени» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 994. Л. 35). Медеплавильные мастера, работавшие в это время на Уктусском заводе, обучались при нем на Олонце. В первые годы работы с Татищевым И.Ф. Блиер играл ведущую роль в квалифицированной оценке рудных залежей и технического состояния промышленности края. В.Н.Татищев сам писал, что до 1720 г. он горнозаводскими делами специально не занимался [*Чупин*, 1882, с. 49].

В приговоре Берг-коллегии от 9 марта 1720 г. капитану Василию Татищеву, посланному в Кунгур для осмотра рудных мест и строительства заводов, прежде всего предписывалось отыскать в Москве дьяка Льва Леонтьевича Шокурова. По приезду в Кунгур следовало принять у него 45 пудов готовой меди и все расходные книги, а по ним сверить расход выданных ему для медеплавильного промысла 1100 рублей. Дьяка обязывали показать известные ему рудники бергмейстеру Блиеру (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 89. Л. 96). Наказ этот был результатом длительного расследования, начавшегося в связи с прекращением выплавки меди на Кунгурском заводе. Расследование длилось с 1715 по 1720 г., при этом не менее шести раз менялись дознаватели. Пятое по счету дознание было поручено Татищеву (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 320).

Еще в XVII в. в Поволжье и Приуралье русские рудознатцы обнаружили богатые залежи медистых песчаников. Впервые промышленное производство меди в России с помощью иностранцев началась в 1635 г. на Пыскорском заводе (1635–1657 гг.). Затем в районе Казани было организовано производство меди, которое продолжалась около 13 лет (1652–1665 гг.). Техническим руководством строительством заводов, созданием производственной инфраструктуры, обучением русских учеников занимались иностранные мастера. В устройстве Пыскорского завода участвовали 15 контрактеров из Германии во главе с А. Петцольтом (Petzholdt), а на Казанском заводе работали пушечный литейный мастер немец Андреас Нейдгарт (Neidhardt) и его сын – медеплавильный мастер и рудознавец Лаврентий Нейдгарт. В конце XVII в. производство меди в Казанском уезде возобновилось на Саралинском медеплавильном заводе в районе Елабуги. Для непрерывного обеспечения завода рудой при нем работала группа поисковиков-рудознатцев, обученных Л.А. Нейдгартом. В Кунгурском уезде они открыли месторождения меди, при которых впоследствии построили несколько медеплавильных заводов.

В 1703 г. по именному указу оружейному мастеру и известному предпринимателю Никите Демидову разрешалось заводить железоделательные заводы в Кунгурском уезде «против уговору по верхотурским железным заводам наемными людьми и своими деньгами» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1348. Л. 5,7; Ф. 271. Оп. 1. Д. 606. Л. 151–152). Другим распоряжением, от 14 мая 1705 г., Демидову дозволялось организовать в Кунгурском уезде и выплавку меди. Несмотря на то что Н. Д. Демидов получил права на организацию заводов в Кунгурском уезде, устройство их задерживалось. Из-за башкирских набегов значительно уменьшилось население уезда («люди посечены, слободы выжжены»), а медеплавильное «большое дело без наемных людей заводить трудно и дорого». Опасался Демидов и заводчика Ф.И. Молодого, чтобы конкурент «ябедою своею и лживыми наносы» его самого «не изогнал». Он был готов строить заводы при условиях непосредственного подчинения Сибирскому приказу, невзимания с него «мельничных прибылей», а также отъезда Ф. Молодого из уезда (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1348. Л. 4).

В 1709–1710 гг. Демидов начал работу по возведению этих заводов, производил набор работников. Из Москвы на «Кунгурские медные и железные заводы» были посланы мастеровые и работные люди: три молотовых и два плотинных мастера, два плотника. 10 августа 1710 г. вышел очередной указ и была послана грамота Сибирского приказа верхотурскому и вятскому воеводам о разрешении комиссару Никите Демидову построить в Кунгурском уезде медные заводы «со всяким полным строением» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1667. Л. 2 об.). Другими сведениями об организации медеплавильного производства Демидовыми в Приуралье мы не располагаем. Вероятно, вследствие различных причин, в том числе технологических, заводчики так и не сумели начать здесь производство меди до пуска Суксунского завода в 1729 г.

Предприниматель Федор Иванович Молодой также имел именной указ от 23 января 1704 г., разрешавший ему поиски руд в Кунгурском, Усольском, Вятском, Галицком и других уездах. В ходе рассмотрения челобитных уральских промышленников в Москве было вынесено решение о том, что, поскольку отданные Н. Демидову рудники были обнаружены до этого указа, Ф.И. Молодому запрещалось работать в тех местах, где ранее копал руду верхотурский воевода А. Калитин или ее обнаружил Н.Д. Демидов. С этого времени между предпринимателями началась борьба за право владение рудниками, продолжавшаяся более 10 лет.

В 1707 г. Ф. Молодого задержали во время тайного провоза пороха из Москвы на Урал. Были проведены допрос, обыск и опись имущества промышленника. Во время допроса Молодой признался, что вез порох для продажи на Ирбитской ярмарке, защиты от разбойников и «на расстрел горы к рудному делу» Это первое упоминание об использовании пороха в горных работах на Ура-

ле. В описи имущества коммерсанта упомянут и первый в XVIII в. казенный медеплавильный завод на Урале, находившийся в д. Мазуевка Кунгурского уезда: «изба о четырех жильях, а под ними погреб. Две избы, кузница с прирубом, руды железной 1000 пуд, 30 кулей угля, большие деревянные меха. В гору выход, в нем два горна плавильных к медному делу кирпичные, один горн небольшой, один горн ручной, одна наковальня со стулом» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1354. Л. 6 об.). При обыске у Федора Молодого были обнаружены и «заговорные (привораживающие женщин. – Е. К.) письма». Порох конфисковали, промышленника наказали батогами, «волшебные» письма сожгли на спине. Федор серьезно пострадал, но продолжил работать в Кунгурском уезде. Однако просчеты Ф. Молодого и постоянные стычки с Демидовыми имели следствием царский указ 1709 г., который предписывал: «Федору Молодому в Кунгурском уезде промышленять не велесть, изловить и держать скована в тюрьме, писать к Москве и до указа не освобождать» (РГАДА. Д. 1348. Л. 10 об.).

Тем не менее Молодой вновь вернулся на завод и в 1711 г. у плотины своего железодельного завода на р. Мазуевке построил по государственному указу медеплавильные печи. Он выплавил всего 8 пудов меди, но в 1712 г. был уличен в использовании казенных средств, выделенных на строительство Мазуевского медеплавильного завода. Предпринимателя вновь арестовали и сослали в Тобольск. Завод на р. Мазуевке забросили, а оставшиеся медеплавильные мастера Никифор Огнев, Федор Инютин, Иван Стариков заверили воеводу г. Кунгура дьяка В. Окомова, что смогут вновь построить завод и выплавить медь. Мастерам назначили казенное жалование, и к концу 1712 г. неподалеку от городской стены они построили Кунгурский медеплавильный завод – деревянный амбар с двумя ручными горнами.

С 5 декабря 1712 г. ведать производством стал новый комендант Кунгура дьяк Леонтий Емельянович Шокуров (1712–1714 гг.). Царский указ обязывал дьяка искать руды и плавить медь. При нем в Москву на Монетный двор были отправлены образцы руды. По оценке надзирателя двора И. Ланга, из фунта руды выходило до 31 золотника меди и три четверти золотника серебра. При коменданте Афанасии Усталкове (1714–1716 гг.) управление заводом было выведено из сферы его полномочий. Заводские дела были поручены сыну Л.Е. Шокурова – Льву Леонтьевичу, бывшему при отце и А. Усталкове подъячим с приписью. С августа 1716 по 1718 г. заводом управлял Л. Сянвин. В 1718 г. при коменданте И.В. Воронцовом выплавка меди прекратилась (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 116). За это время производительность завода увеличилась: с сентября 1712 г. по январь 1713 г. выплавляли 30,5 пудов меди, в 1713 г. – 79,5 пудов. За период управления коменданта Л.Е. Шокурова произвели и отправили в Москву 165 пудов металла по цене 6–6,8 рублей за пуд. Частью меди распоряжался сибирский губернатор М.П. Гагарин. В 1712–1717 гг., пока работал завод, было выплавлено 217,5 пудов меди.

В 1714 г. по сравнению с предшествующим годом было произведено меньше меди. Мастера утверждали, что причина уменьшения выплавки заключалась в запрете Л.Е. Шокурова работать на найденном ими руднике на р. Гаревой. Комендант послал на рудник своего горного мастера И. Свешникова, прибывшего из Тобольска. По оценке Н. Огнева, Свешников начал промышленять руду без них и по небрежности испортил прежние подкопы, после чего продолжение работ потребовало многократных затрат.

После этих событий Н. Огнев обратился к царю с челобитной о предоставлении большей самостоятельности в выплавке меди («чтоб им особливо плавить медную руду»), вследствие чего появился указ от 3 ноября 1714 г. «за подписанием собственной руки его величества». Н. Огневу, И. Старикову и Ф. Инютину разрешалось в городах Сибирской губернии, в том числе в Кунгуре, искать руды и плавить медь, и «ведать их судом и расправой» не коменданту, а самому губернатору. К этому времени вместо Л.Е. Шокурова комендантом стал А. Усталков, а его помощником оставался сын Л.Е. Шокурова – подъячий с приписью Лев Леонтьевич Шокуров. Этим указом все дела, касающиеся добычи руды и плавки меди, исключались из ведения кунгурского коменданта А. Усталкова и передавались в особое ведение Льву Шокурову, «чтобы ни к чему не был привязан» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 322–324).

Появление указа стало знаковым событием. В территориальной системе управления появилась новая должность, предназначенная исключительно для ведения горного дела. Однако разделение функций управления не было регламентировано должностными инструкциями и в итоге отрицательно повлияло на производство меди. Наступило «двоевластие», и в 1715 г. выплавка меди упала до 44 пудов в год. По свидетельству плавильных мастеров, в этом был виноват новый комен-

дант А. Усталков.

Конфликт из-за медеплавильного промысла между А. Усталковым и Львом Шокуровым, с которым фактически были и плавильные мастера, закончился физической расправой. Первоначально между А. Усталковым и Л. Шокуровым возникли разногласия из-за выплаты жалования работникам. А. Усталков пренебрег указом об отстранении его от управления рудными делами и запретил мастерам выезжать из Кунгура под страхом смертной казни, опасаясь, что они отправятся с челобитием в столицу. Вместо них на поиски руды поехали рудокопные ученики и денщики, которые из-за неумения испортили подкопы и рудники. В итоге производство меди окончательно остановилось. 1 мая 1715 г. на комендантском дворе Н. Огнев и Ф. Инютин обратились к А. Усталкову за жалованием и с просьбой о разрешении отправиться в Москву и к губернатору. К ним присоединился и Л.Л. Шокуров. Разговор закончился руганью и побоями. А. Усталков «бранил Шокурова матерно и от места ему отказал». По свидетельству медеплавильных мастеров, денщики и солдаты «драли их за волосы» и били фузеями «смертным боем». Затем, чтобы их не обвинили, вымазались кровью Н. Огнева и сказали, что тот их бил сам. По приказу А. Усталкова мастеров «из хором вон выбили», а затем посадили под караул.

В ходе последующих дознаний было установлено, что число пострадавших от коменданта было большим. Сам А. Усталков руками, дубиной и плетью избил пятерых учеников плавильного дела, проломив им головы. По показаниям рудоискателей Ф. Попкова, Н. Саркаева, Б. Русаева, комендант бил их по щекам и запретил приносить Шокурову руду.

В ответ на челобитные Л.Л. Шокурова и Н. Огнева о побоях и бесчестии началось расследование, в ходе которого во главу угла были поставлены государственные интересы, поэтому основной целью его стало выяснение нецелевого расходования выделенных средств и причин прекращения выплавки меди на Кунгурском заводе. Фигурантами (ответчиками, свидетелями, пострадавшими) в деле выступали плавильные мастера Ф. Инютин и Н. Огнев, представители городской власти Л.Е. Шокуров и Л.Л. Шокуров, А. Усталков, а также солдаты, денщики, рудоискатели. Противоборствующие стороны давали противоречивые показания, и розыск затянулся на годы.

Первое расследование в Кунгуре проводил тюменский ландрат Борис Эверлаков в 1715 г. Данных о работе «сыщика» Б. Эверлакова практически нет, имеются только упоминания о «первом сыске ландрата Эварлакова» в более поздних материалах дознания, хранившихся в Тобольске. При нем «по приказной обычности» дело было не закончено и многие свидетели не допрошены.

В связи с началом дознания губернатор М.П. Гагарин отправил А. Усталкова комендантом в Кай-городок, а вместо него с августа 1716 г. Кунгуром стал управлять Ларион Синявин. Новый комендант, как и до разделения полномочий в 1715 г., занялся медеплавильным производством. Он же после Б. Эверлакова возглавил следствие «об остановке рудного дела». В процессе дознания Л. Синявин допрашивал Л.Л. и Л.Е. Шокуровых, подьячих Е. Леонова, И. Костромина, С. Кропотина, А. Шустикова. Из розыска Л. Синявина явно следовало, что А. Усталков остановил выплавку меди, запретив мастерам выезжать из Кунгура под страхом смертной казни.

В 1716 г. следственные материалы ландрата Б. Эварлакова и коменданта Л. Синявина направили из Кунгура в Тобольск. Н. Огнев, Ф. Инютин и Л.Л. Шокуров вместе с учетными книгами для дальнейших следственных действий были перевезены в Тобольск. В Большой канцелярии началось очередное следствие с допросами их о количестве выплавленной меди, жаловании, роли А. Усталкова в остановке производства. С точки зрения Н. Огнева, сибирский губернатор М.П. Гагарин выписки дел слушал, но никакого решения не принял, «норовя ему Усталкову». После допросов Н. Огнева и Ф. Инютина длительное время держали под караулом и не выпускали из Тобольска. В июле 1717 г. мастеров отправили на Каменский завод.

Немного сведений обнаружено о разбирательствах стольника князя С.Ю. Солнцева-Засекина, который был направлен из розыскной канцелярии гвардии капитан-поручика И.Н. Плещеева³. В 1716 г. царь указал И.Н. Плещееву самому ехать в Кунгур вместе с плавильными мастерами, произвести расследование, сделать пробы руд и прислать их в Канцелярию рудных дел. 27 августа 1716 г. И.Н. Плещеев послал вместо себя стольника князя С.Ю. Солнцева-Засекина. Князь присутствовал при плавке оставшихся 27 пудов плохой руды, из которой получилось только 12 фунтов меди. В розыске С.Ю. Солнцева-Засекина участвовал и комендант Л. Синявин. Комендант сообщал, что кунгурские рудознатцы больше не обнаружили руду в уезде, но хорошая руда найдена в районе Соликамска. В декабре 1716 г. С.Ю. Солнцев-Засекин отправил результаты дознания, све-

дения о руде и слитки меди. В это же время в канцелярии И.Н. Плещеева допросили и Л.Е. Шокурова.

Как уже упоминалось, по приговору Берг-коллегии от 4 марта 1720 г. В.Н. Татищеву с экспедицией предписывалось ехать в Сибирскую губернию «для осмотра рудных мест и строения заводов», а также для дальнейшего следствия, взяв с собой Л.Л. Шокурова. 24 мая 1720 г. вышло постановление Берг-коллегии о возобновлении работы Кунгурского медеплавильного завода в соответствии с наказом, данным В.Н. Татищеву и И.Ф. Блиеру. Но это постановление не могло быть реализовано без разрешения проблемы источников руды. Кунгурские подьячие С. Кадешников и Г. Попов утверждали, что медная руда в уезде закончилась. Руководство Берг-коллегии было убеждено, что подьячие скрывали рудники, чтобы уничтожить завод, поскольку и раньше местные обыватели препятствовали открытию заводов, о чем требовалось узнать Татищеву и Блиеру. 12 декабря 1720 г. В.Н. Татищев допросил кунгурских подьячих в связи с утайкой сведений о медных рудниках. О принятых решениях он должен был сообщить губернатору в Тобольск, так как до этого времени Кунгурские медные заводы находились в ведении Сибирской губернии и финансировались ею. Одновременно обо всех губернских постановлениях и действиях относительно завода следовало уведомлять Берг-коллегию (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 89. Л. 187, 439 об.). Возникла переходная ситуация: Берг-коллегия начинала контролировать Кунгурские заводы, но официально еще не управляла ими.

Дальнейшее расследование вновь сводилось к выяснению личных обид, виновников побоев, количества потраченных денег, препятствий при добыче и выплавке меди. Однако поводом для размышлений послужили следующие эпизоды. Н. Огнев, арестованный и отправленный для следствия в Тобольск, в Кунгур уже не вернулся, а продолжал писать челобитные, участвовать в следствии, находясь то в Тобольске, то на Каменском заводе. 28 июня 1720 г. его послали из Тобольска, из канцелярии капитана-поручика Шамордина, в Берг-коллегию, где в это время уже находился А. Усталков.

Следует иметь в виду, что А. Шамордин был направлен 3 июля 1718 г. по личному указу Петра I в канцелярию И.И. Дмитриева-Мамонова, занимавшуюся розыском злоупотреблений сибирского губернатора М.П. Гагарина. Это следствие продолжалось с 1714 по 1721 г. [Акишин, 2003, с. 128]. Злоупотребления в медеплавильной отрасли могли прямо или косвенно иметь отношение и к этому следствию, поскольку коменданты г. Кунгура Л.Е. Шокуров и А. Усталков были ставленниками сибирского губернатора и прибыли вместе с ним из Москвы в 1711 г. Сын Ф.И. Молодого, Иван Молодой, писал в Берг-коллегию, что из 800 пудов, выплавленных на Кунгурском заводе, 700 пудов отправили в Москву, а 100 пудов забрал князь М.П. Гагарин.

К концу 1720 г. расследование продолжилось в Берг-коллегии. 20 декабря 1720 г. в ней заслушали донесения В.Н. Татищева и постановили вновь допросить дьяка А. Усталкова и плавильщика Н. Огнева. Усталкова допросили уже на следующий день. В допросе он в очередной раз поведал, что прежние расследования не были закончены, а губернатор уничтожил материалы сыщика Эверлакова из дружбы к Л.Е. Шокурову. Усталков подозревал, что в расследовании коменданта Л. Синявина были использованы вымышленные документы. В итоге 9 февраля 1721 г. в Берг-коллегии приняли решение: «против прошения Н. Огнева на дьяка А. Усталкова в помешательстве рудному делу и увечью» велеть сибирскому губернатору расследовать (в шестой или седьмой раз. – Е.К.), поскольку подлинные дела находились в Тобольске. Возможно, это было не последнее расследование, так как не обнаружено документов об окончании следствия.

Остановка Кунгурского завода произошла в условиях продолжительной войны и реформ при отсутствии в стране меди, особенно востребованной в монетном производстве. Длительность следствия – подтверждение острой нехватки стратегически важного металла. В этой обстановке четко проявились объективные процессы обособления сложного горно-металлургического производства в существовавшей системе административного управления. В силу своей специфики расследование проводилось в трех структурах власти (губернии, розыскных канцеляриях и Берг-коллегии). Возможно, именно необходимость расследования этого особого дела потребовала включения капитана Василия Татищева в состав экспедиции. В списке специалистов, посылаемых в Сибирскую губернию, его фамилия вписана позже другими чернилами. Остаются малоизученными одни из ключевых задач его командировки: финансовые и розыскные. Вероятно, дело о прекращении выплавки меди на Кунгурском заводе некоторое время было связано с расследованием злоупотреблений си-

бирского губернатора М.П. Гагарина.

Изучение материалов следствия, других архивных документов позволило выявить особенности становления медеплавильной промышленности в крае, охарактеризовать акторов модернизации. В первую очередь это рудознатные, горные, пробирные, медеплавильные мастера, администраторы заводов, составившие профессиональное ядро производства. В ходе новой деятельности создавались новые временные и относительно устойчивые профессиональные и социально-профессиональные группы (геологоразведочные экспедиции, заводские коллективы и поселки), объединенные одной целью. Появились предприниматели, которые, рискуя разориться, финансировали передовые направления деятельности. В результате усилий Петра I и его окружения по созданию отечественной промышленности еще до появления Берг-коллегии в рамках старой приказной системы управления краем возникали самостоятельные структуры управления горнозаводским производством.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-01625.

² Термин «актор» заимствован в социологии и начинает активно использоваться в исторических исследованиях для обозначения субъекта, своими действиями направляющего процесс к определенной, не всегда осознанной им самим цели, в данном случае, к индустриализации региона.

³ Майорские розыскные канцелярии, возглавляемые гвардейскими офицерами, возникли в связи с кампанией по пресечению злоупотреблений должностных лиц, начавшейся в середине 1710-х гг. Первоначально они состояли в исключительном ведении Петра I, а с конца 1710-х гг. подчинялись Сенату. Майорские канцелярии стали главными органами разбирательств государственных и должностных правонарушений, в первую очередь, дела о расхищении казны. Достаточно сказать, что по материалам сыска канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова в Сибири был казнен бывший губернатор князь М.П. Гагарин. Поскольку возглавляли канцелярии по большей части лейб-гвардии майоры, возникло собирательное название «Майорские канцелярии», хотя ранее канцелярии именовались просто по фамилиям своих начальников: М.И. Волконского, А.Н. Головкина, И.И. Дмитриева-Мамонова, В.В. Долгорукого, Г.И. Кошелева, М.А. Матюшкина, И.Н. Плещеева, А.И. Ушакова, И.С. Чебышева.

Список источников

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а; Ф. 29. Оп. 1. Д. 2.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 994, 1348, 1354, 1667; Ф. 271. Оп. 1. Д. 1, 89, 606, 609.

Библиографический список

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.
Чупин Н.К. Полусторолетие Екатеринбурга// Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь, 1882.
Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.11.2015

VASILY TATISHCHEV AND JOHANN BLUCHER'S ACTIVITY ON REVIVAL OF COPPER SMELTING IN THE KUNGUR DISTRICT

E. A. Kurlaev

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620137, Ekaterinburg, Russia
kurlaev@e1.ru

The author investigates the circumstances of copper smelting in the Urals in the first quarter of XVIII century. Peter I focused on the creation of non-ferrous metals in Russia to strengthen the financial and monetary system of the state. Search for polymetallic ores, mining, and smelting of copper and silver became the main way of using foreign experience in Russia. In this regard, it is important to identify active participants of the creation of smelting industry

in the region who may be identified as the actors of modernization processes. Before the Berg-Collegium was created, a new management structure of the control over mining and metallurgical production had already appeared. However, the separation of management functions was not regulated by job descriptions and, as a result, had a negative impact on the production of copper. The Kungur plant's cessation of work occurred in the conditions of a long war and reforms in the absence of copper, which was particularly in demand in coin production. Technological and organizational problems at the first Ural factories led to a six-year investigation made by the representatives of various departments. The duration of the investigation was the confirmation of the acute shortage of strategically important metal. The Berg-Collegium members Vasily Tatishchev and Johann Blucher began their activity in the Urals within one of those investigations. It is likely that the investigation on the termination of copper smelting at the Kungur plant has been connected with the investigation on Siberian governor Gagarin's abuse for some period. The study of the investigation materials and other archival documents revealed the features of formation of copper-smelting industry in the region and helped to characterize the actors of modernization. Among them, there were primarily mining, assay, smelting masters, and plant administrators who formed the professional core of the industry. New activities created relatively stable professional and socio-professional groups (such as members of exploration expeditions, factory teams and towns), united by one goal.

Key words: history of metallurgy of the Urals, XVIII century, Tatishchev, actors of modernization.

References

Akishin M.O. Rossiyskiy absolyutizm i upravleniye Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata. M.; Novosibirsk, 2003. S. 128.

Chupin N.K. Polutorastoletiyе Yekaterinburga. *Sbornik statey, kasayushchikhsya Permskoy gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noy chasti gubernskikh vedomostey v period 1842–1881 gg.* Perm', 1882.

Yukht A.I. Gosudarstvennaya deyatel'nost' V.N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v. M., 1985.